

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 51.

ДЕКАБРЯ 27-го.

4 8 5 2.

Содержание: Пасѣчникъ Томило, Шатилова.—Частныя объявленія.—О прѣхавш. и выѣхавшихъ.—

ПАСѢЧНИКЪ ТОМИЛО.

Очеркъ изъ быта поселянъ Курской губерніи.

(Читано въ собраніи историко-филологического факультета 3 февраля 1852 г.)

Кто можетъ съ участіемъ слѣдить за человѣкомъ, въ какое бы сословіе ни было брошено судбою этотъ человѣкъ, среди какихъ бы обстоятельствъ ни протекала жизнь его и въ какой бы формѣ она ни выражалась; кто любитъ наблюдать всевозможныя проявленія человѣческаго духа въ различныхъ индивидуумахъ,—тотъ и въ мелкомъ, грязномъ, грубомъ быту мужика найдеть для себя живой интересъ и пойметъ мое желаніе представить читателю легкій очеркъ личности человѣка, встрѣченаго мною въ глухи одной изъ губерній средней Россіи.

Нынѣшнимъ днемъ, около Успенія, отправился я на охоту въ село Грязное, въ сопровожденіи Никанора, состоявшаго при мнѣ въ качествѣ оруженосца, отчасти и сотрудника. Здѣсь я взялъ лодку и пустился вверхъ по Кривцу, на берегу которого расположено Грязное. Рѣка Кривецъ, простираясь верстъ на семь вдлину, съ близылежащими болотами и группой соединенныхъ озеръ, представляетъ обширное приволье для дичи. Дакія утки,

водяные куорочки, гагары, нырки несмѣтными стаями плаваютъ по свѣтымъ водамъ и скрываются въ густомъ камышѣ. Бѣлыя чайки, возмущенные враждебными намѣреніями охотника, выются надъ его головой, преслѣдуютъ его неугомоннымъ крикомъ. Попытайтесь, застрѣлите одну изъ нихъ—глупыя птицы слетятся еще въ большемъ числѣ и сильнѣе надоблять вамъ своимъ безтолковымъ пискомъ. Раздосадованный, я поднялъ ружье и прицѣлился въ одну, наиболѣе суевѣшуюся падѣніями.—«Что вы, баринъ, замѣтили Кирюша, житель праваго берега, приглашенный мною за гравенникъ на должность кормчаго: вѣдь хоть *если* перестрѣляйте—*все будутъ* крутиться: ужъ такія, окаянныя! Только, вотъ, дичь пужаютъ»

Однако, не смотря на тревогу, поднятую рыбаками, я подъ вечеръ наполнилъ свой ягдтрапъ дичью и попросилъ Кирюшу вѣхать назадъ къ мельницѣ

Наша лодка, слегка покачиваясь, быстро скользила по гладкой водяной плоскости, оставляя за собою двѣ звонко бѣгущія струйки, которыя, по мѣрѣ нашего удаленія, сглаживались и смолкали. Воздухъ былъ густо напоенъ испареніями рѣчныхъ травъ. Ракиты и черемухи, стоящія на восточной сторонѣ праваго берега, на самыхъ краяхъ его, глубоко погрузили въ неподвижную воду свои длинныя прохладныя тѣни. Западъ былъ занятъ сіяніемъ заходящаго солнца, котораго

отражение на стеклянной поверхности реки, дробясь и разбиваясь вдоль и ширь, при легкомъ движениі вѣтерка, сверкало, какъ золотая чешуя. Мелкія рыбки стадами рѣзались и играли въ прозрачной водѣ; дикия утки шумно плескались въ камышахъ, какъ бы радуясь своей свободѣ, миллионы водяныхъ мошекъ кружились въ золотой сѣти солнечныхъ лучей. Порой щука, вынырнувъ на поверхность Кривца, звучно била хвостомъ по водѣ и снова пряталась въ глубину, испуганная нашимъ приближеніемъ. Тихій, дрожащий гулъ, похожій на замирающій звукъ послѣднихъ колебаній басовой струны, тянулся съ дальнихъ полей въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ. Кочующій вѣтерокъ то жалобно напѣвалъ въ камышахъ, то приносилъ къ намъ изъ средину реки разнообразные звуки изъ деревни: голоса мужиковъ и бабъ, скрипъ телегъ и воротъ, ржаніе усталыхъ лошадей, лай собакъ, порой унылую пѣсню. Какъ звѣзды ярче вспыхиваютъ передъ занимающимся разсвѣтомъ, такъ въ деревнѣ лѣтомъ, при наступленіи все успокаивающей ночи, въ ясную и теплую зарю, звучнѣе бываетъ всякое движение, хотя опускающіяся съ неба сумерки уже начинаютъ скрывать отъ глазъ наблюдателя блѣдиющія очертанія отдѣленныхъ предметовъ.

Опершись на ружье, стоять я на носу лодки, безмолвно наслаждаясь чуднымъ вечеромъ. Ни одна мысль не тяготила моей головы, ни одно желаніе не шевелилось въ моей груди, мнѣ было свободно и легко. Я забылъ, не чувствовалъ себя, всѣмъ существомъ я слился съ природой, всей душой погрузился я въ ея жизнь. И мнѣ было такъ хорошо, такъ легко; я любовался небомъ, спокойною, зеркальною поверхностью воды. Свѣтъ стала исчезать, полуопрозрачныя тѣни одна за другою ложились на небо и землю, тихой музыкой наполнялся успокаивающей воздухъ.....

Двѣ дикихъ утки звучно, тяжело и съ рѣзкимъ крикомъ пролетѣли надъ намъ—тутъ я только замѣтилъ, что наша лодка не плыветъ,

а стоитъ на одномъ мѣстѣ. Никапоръ, дремавший на скамейкѣ, поднялъ голову и раскрылъ глаза; Кирюша, держа весло на колѣняхъ, сидѣлъ не двигаясь.

„Надоѣхать,“ сказалъ я.—Стало, что на-
дѣть: не ночевать здѣсь. Эхъ, въ гости въ хо-
рошо, а дома лучше!—прибавивъ Кирюша,ши-
роко и глубоко запустивъ весло въ воду. По-
слѣ двухъ—трехъ взмаховъ весла, онъ опять
остановился и посмотрѣлъ на меня присталь-
но своими маленькими желтыми глазками.

—А что, баринъ, знали вы пасѣчника То-
милу.... Вотъ что въ Буромономъ живеть?—
„Не зналъ.“—И не видали? „И не видаль“—
И не слыхали про него? „И не слыхалъ.“

Кирюша посмотрѣлъ на меня торжествую-
щимъ взглядомъ.—Вотъ мужикъ то мудреный!. И, Боже мой какой!.... День и ночь, старый, сидитъ себѣ одинъ на пасѣкѣ, да бурчить себѣ подъ носъ; толкуютъ, что это съ нечи-
стой силой переговаривается.—„Будто?“—Да,
ужъ такъ, баринъ! Да и добрѣ нечисто у не-
го: старуха (жена) на голоса кричитъ; самъ,
сѣдой хрѣнь, ни съ кѣмъ не знаетъ, не вѣ-
дается; кругомъ пасѣки лѣсть.... Уа! такъ въ
пятки и колетъ, какъ войдешь.... Середъ бѣ-
ла дня становится жутко.... Кругомъ глушь,
буераки, ни кола, ни двора, никакого жилья
нѣту. Анадысь старостиха сваха сказывала:
шла она по лѣсу; дѣло было къ вечеру. Ума-
ялась, горемычная, и сѣла подъ кустъ. Одна,
говорить, сижу, и вотъ какъ боюсь, а итти—
мочушки моей нѣту, десять верстъ прошла,
ноги подламываются ... А сонъ такъ и клю-
нитъ. Вдругъ, говорить, слухаю, идетъ кто-
то, идетъ и ворчитъ—да такъ чудно—все
ворчитъ ... У меня сердце такъ и єкнуло;
хотѣла, говорить, встать, да такъ и опусти-
лась: руки, ноги не двигаются.... Духъ занялся.... Гляжу, говорить, а это Томило от-
бивается отъ нечистой.—„Нѣть, ему гово-
ритъ нечистая, дай намъ работу, не затѣмъ
сознался съ нами!“—Ну, чтожъ вамъ, говоритъ
Томило:—ты поди, вонъ, рыбу выгоняй изъ
щукинскихъ Кубарей; ты свиней щукинскихъ

заведи въ болото; ты, говорятъ, мою корову пригони, а ты сучья сухія въ печку мнѣ ломай!—Да какъ, сказываетъ сваха, ударить громъ, моланья!.. Принца старуха къ двору — слова сказать не можетъ: такой страсти набралась.... Вся трясется, словно изъ колодезя выскочила. Да и старикъ то ужъ такой хитрой: все вземъ смотритъ, да исподлобья поглядываетъ—нѣтъ ли кого? А самъ то и дѣло шушукаетъ съ тукавыми, да поплевываетъ на сторону. И твореніе Божіе знать ему не мило, и свѣтъ то Божій постыдъ!.... Прости, Господи, мою душу!“

Уже потемнила рѣка и потухла заря, когда мы вышли на берегъ; мужики ужинали на улицѣ,—каждый передъ своей избой; кой гдѣ мерцали огоньки. Я отправился спать къ мельнику.

Для объясненія личности пасѣчника, сообщимъ краткій очеркъ его прошлой жизни.

Томило былъ прежде старостою въ имѣніи помѣщика Лутакова,—подъ его закѣльваниемъ состояла большая часть села Мухина и двѣ небольшія сосѣднія деревушки. Въ одной изъ нихъ, Барановкѣ, было нѣсколько дворовъ, владѣтели которыхъ славились самыми ловкими конокрадами. Вообще, здѣсь былъ постоянный притонъ пьяницъ, воровъ и мошенниковъ. Здѣсь было ихъ самое надежное убѣжище. Самъ Томило не отличался безъуокризнейной честностью: заботясь о барскихъ выгодахъ, онъ не забывалъ и о своихъ, но зорко, неусыпно следилъ за этими коммунистами, тайно поднимавшими руку на чужую собственность. Отыскать пропавшую корову, лошадь, поймать вора—было для него любимымъ дѣломъ, которому онъ отдавался весь съ увлеченіемъ, со страстью. Этимъ онъ приобрѣлъ себѣ въ Барановкѣ злѣйшихъ, непримиримыхъ враговъ, которые не упускали случая взаимно насолить ему и нѣсколько разъ покушались даже на жизнь его. Но Томило былъ сметливъ и хитръ, въ добавокъ—сilenъ и смѣль. Онъ не сдавался ни на какія льстивыя обѣщанія, не боялся ни какихъ угрозъ.

Обмануть его, завести въ разставленныя сѣти—почти не удавалось: онъ или разрушалъ всѣ хитро сплетенные ковы крутымъ, неожиданно смѣльямъ напоромъ, или ловко увертывался, или зорко угадывалъ задуманный противъ него планъ. Сосѣди прозвали его *Волчимъ зубомъ съ лисицимъ хвостомъ*. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число отъявленныхъ враговъ Томилы. Но онъ не отступалъ ни на шагъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на злобный ропотъ, открыто поднимавшійся вокругъ него. Вскорѣ почти половина села Мухина встала на него съ жалобами и доносами своему помѣщику, жившему верстахъ въ полутораста отсюда. И эта попытка не имѣла успѣха: Лутаковъ зналъ своего старосту, какъ человѣка старательного, умнаго и расторопнаго, любилъ его за его бойкую и красную рѣчь, и ябедники, для внушенія имъ должнаго повиновенія, были больно высѣчены.

Томило въ молодости слылъ между жителями своего околотка за первого молодца, весельчака и умницу. Эту славу сохранилъ онъ до самой старости; именно, до того рокового момента въ его жизни, который я избралъ главнымъ пунктомъ своего рассказа.

Томило былъ мастеръ играть пѣсни, любилъ писать *въ карагодѣ*, водить танки и самъ любилъ подыгрывать танцующимъ на балалайкѣ и на 5-ти рублевой скрипкѣ, подаренной ему слѣпымъ бродягою, старикомъ музыкантамъ, который, прогостивъ у него года два, умеръ, собираясь итти на родину, куда то на западъ, въ теплые страны. Ни одно деревенское веселье, ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ не обходился безъ нашего Томилы. „Безъ него и свадьба хуже поминокъ,“ говорили молодцы дѣвки и бабы.

Богатый пасѣчникъ славился, какъ домовитый хозяинъ, радушный и добрый къ своимъ гостямъ.

Прѣзжій купецъ, отправлявшійся куданибудь на сельскую ярмарку, заворачивалъ къ нему погостить день-другой, потолковать съ нимъ о томъ, о семъ, и послушать его умныхъ

рѣчей; заворачивалъ къ нему и мелкопомѣстный дворянинъ, который, послѣ первой рюмки, забывалъ свою сѣбѣ и калякалъ съ пасѣчникомъ попріятельски,—всѣмъ было весело и хорошо съ привѣтливыми рѣчиштымъ хозяиномъ, къ которому заѣжалъ иногда становой и даже самъ исправникъ,—разумѣется, мимоѣздомъ!

Такъ жилъ Томило.... Вдругъ, умеръ у него единственный сынъ, который жилъ, вмѣсто отца, въ Буроломномъ лѣсу, на пасѣкѣ. Въ первые два дня послѣ смерти сына, пока его склонили, отецъ почти ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, все хмурился и сердился. Съ недѣлю еще послѣ похоронъ онъ былъ мраченъ, молчаливъ, не смотря на явное усиление освободиться отъ такого состояния. Наконецъ, онъ подавилъ свою скорбь, скоро забылъ о своемъ сыне и, казалось, навсегда.

Такъ туча, повидимому, незамѣтило, безъ опустошительной бури, пронеслась надъ его головою, на мгновеніе только накрывъ ее своею зловѣщую тѣнью. Чрезъ мѣсяцъ Томило зажилъ напрежнѣму, только въ своихъ отношеніяхъ къ конокрадамъ, мошенникамъ и бунтовщикамъ, возстававшимъ противъ него, сталъ необузданнѣе и ожесточеннѣе.

Нужно сказать, что скоро, по смерти своего сына, Томило испросилъ у своего помѣщика согласіе передать должность старости другому, а самъ перебрался съ женой на свою пасѣку, въ Буроломное, где жилъ прежде его сынъ.

Томилѣ было въ это время лѣтъ за 50 смишкомъ; онъ былъ еще довольно свѣжъ, здоровъ и въ эти годы пользовался такимъ расположениемъ женской половины народа селенія села Мухина, что въ этомъ отношеніи не имѣлъ неподѣлимыхъ соперниковъ между молодыми мухинскими ребятами. Старикъ любилъ ухаживать за деревенскими красавицами,—это была его страсть.

Года черезъ три послѣ смерти сына, Томило отправился, на Святой недѣли, къ своему приятелю, косоглазому Никитѣ, въ село Му-

хино. Пріятеля своего онъ отыскалъ на улицѣ подъ качелями и уже собирался завернуть къ нему въ избу, какъ вдругъ замѣтилъ въ хороводѣ полногрудую, краснощекую однодворку, которая давно приглянулась ему. Старикъ не утерпѣлъ—подошелъ къ хороводу, покрестосовался съ красавицей—и, слово за слово, заговорился съ нею и забылъ своего косого пріятеля.

„Полно дурить, ужъ ты старъ—дѣдушка!“ сказалъ Никита, подходя къ пасѣчнику, который упрашивалъ однодворку покрестосоваться съ нимъ въ третій разъ, уговаривая, что безъ *Троицы и домѣ не строится*.“—Какой я дѣдушка? Дѣдушка сидѣть за печкой, домовой—дѣдушка! да что живеть на мельницѣ, водяной—вотъ, тотъ такъ дѣдушка,“ говорилъ Томило, отшучиваясь.

— А, такъ ты дѣдушка! улыбаясь лукаво, произнесла красавица.

„Дѣдушка!“ во все горло крикнулъ съ отчаянія молодой парень.... то же искашній ся расположенія.

— Дѣдушка!! подхватили мальчики, всегда готовые на какую нибудь шалость.

„Дѣдушка!!!“ подхватила хоромъ вся веселая толпа, увлеченная страннымъ сочувствіемъ къ мальчикамъ.

Томило былъ такъ пораженъ этой нежданной выходкой, что остановился безъ движенія посреди окружавшей его толпы; недоумѣніе его, повидимому, длилось не долго:— „Разступись!“ крикнулъ онъ, и сильнымъ толчкомъ опрокинулъ на землю свою красавицу, ударомъ кулака сбилъ съ ногъ ея обожателя и, наградивъ присутствовавшихъ звучнымъ проклятиемъ, вышелъ изъ кружка. Быстрыми шагами пошелъ онъ въ свою пасѣку.

— Эй, Демьянычъ, Иванушка! За что осерчалъ?.... Зайдемъ ко мнѣ, водочки выпьемъ; зайдемъ, родной.... Ей же Богу, я не причина! кричалъ Никита, догоняя его. Но Демьянычъ даже не оглянулся.

Впечатлѣніе, произведенное на Томилу описанной сценой, было тѣмъ поразительнѣе,

чѣмъ быстрѣе и внезапнѣе оно совершилось. Можетъ быть, никогда еще онъ не былъ такъ потрясенъ, уничтоженъ. Тутъ только въ первый разъ онъ вполнѣ почувствовалъ, со-зналъ постигшую его грозную, неумоли-мую старость.—Эта мысль, мгновенно, какъ молния, блеснула въ головѣ его и ослѣпила его разсудокъ. Первымъ слѣдствіемъ этого было то, что старику казалось, будто онъ по-старѣлъ въ одно мгновеніе, въ слѣдствіе ма-гическаго приговора тѣхъ, которые его на-звали „дѣдушкой.“ Съ этихъ поръ онъ страши-но возненавидѣлъ всѣхъ и едва ли не самаго себя. Съ тѣхъ поръ Томило прекратилъ свои сношенія съ жителями села Мухина, съ тѣхъ поръ нога его не была тамъ; онъ даже не-ресталъ ходить въ мухинскую церковь, куда бывъ *приходомъ*. Молва объ этомъ прию-ченіи Томилы быстро разнеслась по окрест-нымъ деревнямъ и селамъ. Мальчишки, не любившіе старика за его угрюмый, сердитый видъ и грозную наружность, не упускали слу-чая подразнить его дѣдушкой. Старикъ сталъ молчаливъ, нелюдимъ, раздражителенъ. Онъ заключился въ своеемъ лѣсу, какъ медведь въ берлогѣ, и рѣдко выходилъ на свѣтъ Божій. Сосѣдніе мужички и всѣ его прежніе зна-ко-мые, встрѣчая у него неласковый, сухой пріемъ, стали посыпать его рѣже и рѣже, наконецъ и совсѣмъ перестали. Какой нибудь его старый приятель, застигнутый въ сумерки дождемъ и бурей въ Буроломному лѣсу, скорѣе рѣшался провести ночь подъ деревомъ, чѣмъ просить пріюта у негостепріимнаго па-сѣчника. Такимъ образомъ, жизнь его для но-ваго поколѣнія стала загадкой и сдѣгалась пред-метомъ таинственнаго любопытства сосѣдей.

Изъ новыхъ людей рѣдко кому удавалось, въ то развѣ мелькомъ, видѣть загодочнаго па-сѣчника; память же старыхъ съ теченіемъ времени слабѣла и измѣняла дѣйствительно-стѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнялось и пред-ставленіе о Томилѣ. Вотъ причина тому, от-чего жизнь его наконецъ потеряла свой про-

стой, естественный смыслъ и получила ис-тическое значеніе.

Читатель догадается, что это-то и побуди-ло меня, не довольствуясь свѣдѣніями о па-сѣчнике, собранными изъ разсказовъ о немъ поселянъ, познакомиться съ нимъ лично.—

На другой день послѣ разговора съ Кирю-шней, я охотился на грязновскихъ болотахъ, внизъ по Кривцу, доходящихъ почти до самаго лѣса, гдѣ жилъ пасѣчникъ. Я очень усталъ, отъ душнаго болотнаго воздуха у ме-ня болѣла голова; Никаноръ тоже угорѣлъ и тащился, шатаясь какъ пьяный. Вдали послы-шался лай собаки. Мой лягавый песь отвѣ-тилъ на него лаемъ и пустился тяжелымъ га-лопомъ въ ту сторону, откуда раздался сто-рожевой окликъ, вѣроятно по ошибкѣ прия-тый имъ за гостепріимное привѣтствіе.

Скоро мы вышли на небольшую поляну, окру-женную старыми липами, дуплистыми березами и полузасохшими вѣковыми дубами. Среди этой просѣкѣ стояла свѣтлая изба съ рубленными сѣнами. Подъ сѣней былъ выстроенъ анбаръ изъ березовыхъ пластинъ, съ небольшой лѣт-ней горницей на чердакѣ, украшенной соло-меннымъ навѣсомъ. Этотъ навѣсъ en face имѣлъ форму равнобедреннаго треугольника и былъ чѣмъ то въ родѣ балкона, опирающагося на два тоненькихъ столбика. Сѣни, какъ обыкно-венно, имѣли двое наружныхъ дверей, изъ которыхъ заднія выходили на пасѣку, гдѣ почти надъ каждымъ ульемъ стояла яблоня или груша. Пасѣка была обнесена высокимъ плетнемъ. Къ анбару примыкалъ сарай изъ плетня, обмазаннаго глиной, доставлявшій по-мѣщеніе двумъ хозяйственнымъ коровамъ и лошади.

Двѣ густыя бѣлоствольные березы стояли у самыхъ оконъ избы и заботливо накрывали соломенную крышу своими тонкими, гиб-кими вѣтвями.

Подъ навѣсомъ одной изъ нихъ сидѣлъ хо-зяинъ, стариkъ лѣтъ 60-ти, съ женой и ра-ботникомъ. Они ужинали.

„Здравствуй, дѣдушка, хлѣбъ да соль! ска-залъ я, подходя къ ужинающимъ.

— Милости просимъ, сухо сквозь зубы проговорилъ старикъ:—подъ столъ, вертѣть хвостомъ, добавилъ онъ про себя.

Я слышалъ, что Томило непривѣтливъ и не жалуетъ своихъ гостей; однако, сказанная имъ любезность, хотя про себя и безъ желанія обидѣть незваныхъ посѣтителей, не мало удивила меня; но вспомнивъ, что старикъ терпѣть не могъ, когда его величали дѣдушкой, я успокоился. Иногда при этомъ словѣ онъ забывался совершенно и бросалъ въ злаго насмѣшика камнемъ, погѣномъ,—чѣмъ попало.

Иванъ (Томило) былъ высокаго роста, худощавъ и нѣсколько сутуловатъ. Волосы на головѣ его были длинные, сѣдые; густыя брови, продолговатый, выгнутый къ верху носъ и довольно толстыя губы, по своимъ очертаніямъ и расположению, не представляли ни одной рѣзко—характеристической черты. Всего замѣчательнѣе въ физиognomіи пасѣчника были глаза: сѣрые, проницательные, они казались черными подъ тѣнью густыхъ нависшихъ бровей и странно свѣтились изъ подъ полу-спущенныхъ рѣбенницъ. Не смотря на 60 лѣтъ, вода зрачка была довольно чиста и прозрачна, только бѣлки были подернуты красноватой заволокой. При почти постоянной неподвижности другихъ чертъ лица, можно было подумать, что въ немъ только одни глаза и жили.

Когда я подошелъ къ Томилѣ ближе, онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго любопытства, даже желанія взглянуть на меня, будто былъ предупрежденъ о моемъ приходѣ и давно зналъ меня.

Я съ большимъ усердіемъ сталъ прочищать ружье и, повидимому, весь погрузился въ это занятіе.

Старикъ бросилъ на меня украдкой короткій пытливый взглядъ и снова потупился и продолжалъ ужинать, будто постороннихъ для него тутъ и не было.

— Можно переночевать здѣсь? спросилъ я его наконецъ. „Не знаю“ былъ отвѣтъ.

— Какъ не знаешь? Кто жъ хозяинъ?

„Можетъ не понравится.“

— Отчего же не понравится?

„Не знаю, я не баринъ—это ваше дѣло.

— Я усталъ и радъ ночевать хоть въ чистомъ полѣ. Мы тебѣ не помѣшаемъ?

„Шти и такъ простыли—зачѣмъ мѣшать, сказалъ онъ, ухмыляясь;—за рассказами простыли, добавивъ онъ вполголоса.

„Какая помѣха, продолжалъ онъ, смягчаюсь:—ночью люди добрые не работаютъ, да еще подъ праздникъ.

— Ты не говори намъ про праздники, ты намъ не гни! возразилъ мой Никаноръ:—вѣдь тебѣ нѣть праздниковъ.

„Скоту нѣть праздниковъ, да тебѣ—другому, а я человѣкъ.

— Какой ты человѣкъ, если въ церковь Божію не ходишь!

„Баринъ, чего онъ лаетъ даромъ, сказалъ Томило, обращаясь ко мнѣ;—я бы на вашемъ мѣстѣ насадилъ его на цѣпь—анъ бы двойная прибыль была: онъ бы и дворъ караулилъ, и самъ бы не воровалъ. А то, ишь какой злюпцій, даромъ хлѣбъ єсть. А все мой лохматый умнѣе его: не звягасть попусту!

Желая предупредить скору, я предложилъ Никанору заняться приготовленіемъ горячей воды для чаю.

— Далеко отсюда до Чернявки, спросилъ я Ивана.

„Не видно.

— Ишь ты! промолвилъ Никаноръ, которому замѣтно не хотѣлось отстать отъ насы.

— А какъ? Если отправиться завтра съ разсвѣтомъ,—можно дойти къ обѣду?

„Да какъ пойдены? Коеолапаго пустѣ, такъ и къ вечеру не доберется, а безногому въ годъ не дойти:

— Ишь зачинаетъ.... ишь, ишь, бормоталъ Никаноръ.—

Чай былъ готовъ, я налилъ два стакана, подлилъ въ одинъ рому и подалъ его Томилѣ.

— Пьешь водку? спросилъ я.

„ Воду? пьемъ,— и ключевую, и рѣчную....
Коли случится, пьемъ и зеленую.

Томило выпилъ три стакана пуншу. В продолженіе всего времени, какъ онъ упивался, я внимательно слѣдилъ за нимъ. Первый стаканъ осушилъ онъ въ два—три глотка. Лицо старика, сначала неподвижно спокойное, съ легкимъ оттѣнкомъ хитрости на углахъ губъ, теперь ожило и приняло злобное, даже сварѣное выраженіе. Глаза его покраснѣли, загорѣлись, брови сдвинулись, ротъ искривился.

— Давно ты живешь здѣсь?

„ Не помню, разбойникъ, батя Ильи Матвѣича, всю память отшибъ.

— Говорятъ,—ты хороший пасѣчникъ, отлично свое дѣло знаешь?

„ Мало что говорятъ! Говорятъ, что солдата зарѣзали, Жида улавили, на разбой подъ дорогу выхожу! Все говорятъ, про себя то они молчатъ.... На то и языки, чтобы на томъ свѣтѣ раскаленную сковороду лизать.... Эхъ, когда попаду ихъ тамъ—подложу угольковъ, подложу!....

Допивая третій стаканъ, Томило становился замѣтно печальнымъ; болѣзненное движеніе тоски отразилось на всѣхъ чертахъ его лица. Глаза его стали тусклы и надолго останавливались на одномъ предметѣ, съ тупымъ, безчувственнымъ взоромъ. Старикъ сидѣлъ задумавшись. Иногда онъ встряхивалъ головой, будто желая пригнать тяжелое воспоминаніе. Онъ пересталъ отвѣтить на мои вопросы и не слушалъ меня.

— Есть у тебя родные? спросилъ я, наконецъ рѣшившись на послѣднюю попытку.

Старикъ вздрогнулъ.

„ Какіе родные? За чѣмъ? Откуда?... Нѣть у меня родныхъ! Никого нѣть! Сынъ былъ, одинъ сынъ.... да умеръ. Попъ мухинскій въ землю зарылъ.... Знать боялся, чтобы я не укралъ.... Былъ сынъ, да теперь пѣту.... Лучшебъ и тогда не было,—чтобъ никогда не было!... Жилъ бы я себѣ одинъ и издохъ бы такъ одинъ, какъ собака, только бы горя

меньше.... А ужъ тебѣ, батька, не дамся—живой въ гробъ ляжу, а ужъ не дамся.... Будетъ того, что и сына закопаю.... А ужъ тамъ угольковъ подложимъ....

.. Ты чего подгорюнилась, сказалъ онъ, обратившись къ женѣ:—пошли вонъ!... Чтобы духу твоего не было!

Старикъ всталъ, тряхнулъ головою и запѣлъ:

Отчего меня девки не любятъ?
Отчего меня красныя не любятъ?
А ли кудри—не кудри....

Шатаясь, онъ побрѣзъ въ пасѣку.—

Чрезъ недѣлю мнѣ случилось опять зайти въ Буроломное. Было поздно, когда я выбрался на знакомую поляну. Мѣсяцъ высоко стоялъ надъ лѣсомъ, блѣдно-синее небо было свѣтло и прозрачно; какъ брилліанты, горѣли на немъ крупныя и мелкія звѣзды. Будто стѣной, созданной изъ мрака и недвижныхъ деревъ, вставалъ кругомъ меня темный, безмолвный лѣсъ; кой-гдѣ блѣели облѣтые свѣтомъ мѣсяца тонкіе высокіе стволы молодыхъ березъ, какъ стройныя мраморныя колонны.

Въ избѣ не было огня, и потому я, думая, что хозяева уже спятъ, расположился ночевать на крыльце, подъ павѣсомъ анбара.

Я не могъ скоро заснуть, хотя и усталъ. Я прочиталъ паизустъ 50 стиховъ изъ Телемахиды, вспомнилъ все, что когда то зналъ изъ сноторвныхъ сочиненій долготерпѣливаго и доблестнаго мужа—и все таки не могъ заснуть. Прошло полчаса въ безплодныхъ усиленіяхъ. Вдругъ, я услышалъ шумъ въ концѣ поляны, и вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ высокую, сухую фигуру Томилы. Онъшелъ, опустивъ голову, и громко говорилъ, хотя съ нимъ никого не было. Онъ вошелъ въ пасѣку и заперъ за собою калитку. Войти за нимъ мнѣ не было возможности, и потому я долженъ былъ перебраться чрезъ плетень. Я спрятался за кустомъ рябинъ, шагахъ въ десяти отъ Томилы, который сѣялъ на скамейку подѣш шалаша, въ волненіи подперъ

объими руками голову и продолжалъ говорить вслухъ. Стариkъ не былъ пьянъ, какъ мнѣ показалось сначала; съ нимъ былъ одинъ изъ припадковъ той душевной болѣзни, которая происходитъ вслѣдствіе внезапнаго перехода отъ шумной, тревожной жизни къ совершен-ному уединенію; отъ безпрерывной дѣятельности къ неподвижности и апатіи,—той болѣзни, которая происходитъ вслѣдствіе на-копленія желаній сильныхъ, неудовлетво-ренныхъ, ненаходящихъ себѣ исхода, или вслѣдствіе болѣзненно возбужденнаго воспо-минаніями воображенія. Стариkъ бредилъ о сынѣ; ему мерещились его прежніе красные

годы, его прошедшая жизнь. Воспоминанія проходили предъ нимъ въ живыхъ образахъ и онъ бесѣдовалъ съ ними, какъ будто ихъ дѣйствительность еще не миновались для него, какъ будто его сердце попрежнему было къ нимъ любовью или враждою. Подобныя галлюцинаціи начинались, когда заходило солн-це и наступавшіе сумерки осеняли поляну, старые липы, дуплистые березы, вѣковые дубы....

Шатиловъ.

Харьковъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) КАФЕ-РЕСТОРАНЪ

В. АКУЛЫ.

Въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, открыть швейцарскимъ кондиторомъ В. Акулою кафе-ресторанъ, который по своему устройству и удобству заслуживаетъ вниманія. Не говоря уже о прекрасномъ билльярдѣ, все здѣсь въ лучшемъ видѣ: кушанья, очень хорошо изготовленныя, подаются за умѣренную цѣну; вина, водка, разныхъ сортовъ ликеры и другие напитки,—самые лучшіе; чистота и опрятность, вѣжливость прислуги, наконецъ привѣтливость хозяина и хозяйки заставляютъ всѣхъ посѣтителѣй быть вполнѣ благодарными учредителю за прекрасное прелюбожденіе времени въ его ресторанѣ.—Остается пожелать, чтобы благосклонная публика поддержала г. Акулу своими посѣщеніями и тѣмъ доставила ему средства еще болѣе улучшить это заведеніе, такъ необходимоѣ въ нашемъ городѣ, лишенномъ удобствъ столичной жизни.

2) Продается новый рояльно полисандроваго дерева въ шесть и три четверти октавъ, петербургской работы мастера Іогансона, цѣною 250 р. сер., на Пескахъ, въ домѣ Маринченковой, у г-жи Неклюдовой.

3) Отъ провизора Карла Гольсте, арендатора аптеки Эйзелера, въ Харьковѣ.

На сихъ дняхъ полученъ мною изъ г. Бергена въ Норвегіи свѣжій настоящій тресковый жиръ. Въ прошедшемъ году я заслужилъ всеобщую благодарность тѣхъ, которые нуждались въ столь важномъ цѣлебномъ средствѣ, посему спѣшу извѣстить, что его теперь

опять можно получать въ аптекѣ моей, на Московской улицѣ, такого же отличнаго достоинства, какъ и прежде.—3.

Карл Гольсте.

4) Докторъ фонъ-деръ-Флясъ, операторъ харьковской врачебной управы, недавно прибывшій въ сей городъ, занимаясь леченіемъ преимущественно нервныхъ, грудныхъ и женскихъ болѣзней, извѣщаетъ жителей г. Харькова, что онъ принимаетъ у себя приходящихъ больныхъ ежедневно отъ 8 до $9\frac{1}{2}$ часовъ утра.—Онъ имѣеть вѣрное средство отъ зубной боли, уничтожающее ее въ самое короткое время и безъ возврата, при чёмъ зубы сохраняются отъ порчи и гніенія.—3.

Квартируетъ на Московской улицѣ, въ домѣ Витковскаго.

5) Отправляется заграницу, къ австрійскимъ минеральнымъ водамъ, губернская секретарша Анна Петровна Годзевичъ. Живетъ 1-й части г. Харькова, въ домѣ подполковницы Глѣбовой.—2.

ВЪДОМОСТЬ

о приехавшихъ и выехавшихъ.

отъ 20 по 26 ДЕКАБРЯ ПРИБЫЛИ:

Изъ г. Херсона, от. полк. Протопоповъ; г. Павлограда, от. маіоръ Яновичъ; г. Чугуева, надв. сов. Воксъ и ген.-маіоръ Скалонъ; г. Твери, от. полк. Строевъ; сл. Липецъ, от. полк. Карпенко; г. Полтавы, полк. Орловский.

Выѣхали:

Въ г. Херсонъ, маіоръ Навроцкій; г. Волчансъ, кол. асс. Борзиковъ; г. Павлоградъ, от. ген.-маіоръ Пашутинъ; С.-Петербургъ, ген. маіоръ Струковъ; г. Чугуевъ, надв. сов. Вѣйсъ; г. Бѣлгородъ, кол. сов. Проценко.